

ВРЕМЯ

Вечность

МЕСТО

Кладбище

ПОРЯДОК

ИНТЕРЛЮДИЯ I: ГРЯЗЬ ЧЕРНАЯ	13
ИНТЕРЛЮДИЯ II: ГРЯЗЬ РАССЕЯННАЯ	61
ИНТЕРЛЮДИЯ III: ГРЯЗЬ ИСТОЩЕННАЯ	95
ИНТЕРЛЮДИЯ IV: ГРЯЗЬ ИЗМЕЛЬЧЕННАЯ	135
ИНТЕРЛЮДИЯ V: ГРЯЗЬ, ПРАХОМ УДОБРЕННАЯ	169
ИНТЕРЛЮДИЯ VI: ГРЯЗЬ ЗАМЕШАННАЯ	207
ИНТЕРЛЮДИЯ VII ГРЯЗЬ УПЛОТНЕННАЯ	247
ИНТЕРЛЮДИЯ VIII: ГРЯЗЬ ОБОЖЖЕННАЯ	291
ИНТЕРЛЮДИЯ IX: ГРЯЗЬ ШЛИФОВАННАЯ	339
ИНТЕРЛЮДИЯ X: ГРЯЗЬ ЯРКАЯ	381
Комментарии переводчика	431

ПЕРСОНАЖИ

КАТРИНА ПАДИНЬ	Катрина, дочь Падиня. Новопреставленная
ПАТРИК КАТРИНЫ	Патрик, сын Катрины. Ее единственный сын
ДОЧЬ НОРЫ ШОНИНЬ	Жена Патрика, сына Катрины. Живет в одном доме с Катриной
МАЙРИНЬ	Девочка-подросток, ребенок Патрика и дочери Норы Шонинь
НОРА ШОНИНЬ	Нора, дочь Шониня. Мать жены Патрика, сына Катрины
БАБ ПАДИНЬ	Баб, дочь Падиня. Сестра Катрины и Нель. Живет в Америке. Все ждут ее наследства
НЕЛЬ ПАДИНЬ	Сестра Катрины и Баб
ДЖЕК МУЖИК	Муж Нель
ПЯДАР НЕЛЬ	Пядар, сын Нель и Джека
МЭГ БРИАНА СТАРШЕГО	Дочь Бриана Старшего, жена Пядара, сына Нель
БРИАН МЛАДШИЙ	Младший Бриан. Сын Пядара Нель и Мэг, дочери Бриана Старшего. Учится на священника
БРИАН СТАРШИЙ	Отец Мэг
ТОМАС ВНУТРЯХ	Родственник Катрины и Нель. Обе они притязают на его землю
МУРЕД ФРЕНШИС	Муред, дочь Френшиса. Ближайшая соседка и давняя подруга Катрины

ПРОЧИЕ СОСЕДИ И ЗНАКОМЫЕ

БИДЬ СОРХА	Плакальщица. Любит выпить
КОЛЛИ	Народный сказитель. Не умеет читать
КИТИ	Соседка Катрины, которая дала ей фунт взаимы, но так и не получила его назад
ШТИФАН ЗЛАТОУСТ	Сосед. Не пришел на похороны Катрины, потому что “не слышал о них”
ПЯДАР ТРАКТИРЩИК	Владелец паба
ДЖУАН ЛАВОЧНИЦА	Владелица единственного в деревне магазина
ТИМ ПРИДОРОЖНИК	Живет в хижине на окраине деревни. Соседи обвиняют его в кражах
МАНУС ЗАКОННИК	Юрист, который ведет дела Катрины и ее семьи
ШОНИНЬ ЛИАМ	Старик, у которого слабое сердце
БРИДЬ ТЕРРИ	Хочет на кладбище только мира и покоя
<i>А также</i>	Мартин Ряба, Проглот, Бертла Черноног, Патрик, сын Лауруса, Старый Учитель, Том Рыжик и многие другие.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ДИАЛОГОВ

—	начало реплики
— ...	продолжение реплики
...	обрывок диалога или реплики

ИНТЕРЛЮДИЯ НОМЕР ОДИН

ГРЯЗЬ ЧЕРНАЯ

КАТРИНА ПАДИНЬ

1

Интересно, на каком же участке я похоронена: За Фунт или За Пятнадцать Шиллингов? ¹ Или их совсем дьявол обуял, и они меня бросили в Могилу За Полгинеи ² — после всех-то моих наказов! Утром того дня, как я скончалась, позвала Патрика из кухни: “Заклинаю тебя, Патрик, дитя мое, — говорю ему, — похорони меня в Могиле За Фунт. За фунт! У нас многим выбирают Участок За Полгинеи, а все равно ...”

И я им велела купить у Тайга самый лучший гроб. Хороший дубовый гроб по крайней мере ... На мне накидка со скапулярием ³. И саван. Я их сама приготовила ... А на саване-то пятно. Никак след от копоти. Да нет. Отпечаток пальца. Жена сына моего, не иначе. На кого же еще это похоже, такое неряшество. Если бы Нель только видела! Наверняка была на похоронах. Но ее бы уж точно там не оказалось, клянусь Богом, будь моя воля ...

Как же небрежно Кать Маленькая подогнала саван. А я всегда говорила, что не стоит ни ей, ни Бидь Сорхе наливаться ни капельки, пока тело не вынесут из дому подальше. Я же предупреждала Патрика близко не подпускать их к савану. Но Кать Маленькая ведь не может удержаться, чтоб не подойти к усопшему. У нее самая большая мечта, чтоб повсюду в двух деревнях были одни покойники. Пусть урожай в борозде сгниет хоть десять раз, а ей только подай покойника.

... На груди у меня распятие, что я покупала в миссии ... А где же черный крест, который жена Томашина для меня святила в часовне в Кноке⁴, как раз когда Томашина должны были наконец связать? Говорила я им, чтоб и это распятие тоже на меня надеть. Оно и смотрится гораздо лучше этого. С тех пор как дети Патрика его уронили, на этом-то Спаситель погнулся. А на черном Спаситель вон какой роскошный. Да что со мной? Опять я все позабыла, как всегда! Вот же оно, у меня под головой. Какая жалость, что мне его не положили на грудь ...

Четки они могли бы и понадежнее вложить мне в пальцы. Нель, должно быть, сама этим занималась. Уж она бы радовалась, если б они выпали, когда меня стали класть в гроб. Господи, Господи, только бы она держалась от меня подальше ...

Надеюсь, они зажгли восемь свечей вокруг моего гроба в церкви. Я им специально их приготовила в углу, в ящике, под бумагами на арендную плату. Вот уж чего никогда не поставят в этой церкви вокруг тела, так это восемь свечей: у Куррина было всего четыре, у Лиамы, сына Томаса Портного, — шесть, но зато у него дочь-монашка в Америке.

Три бочонка портера я велела добыть на поминки, а Эмон с Верхнего Луга мне лично обещал, что ежели под горой⁵ останется хоть капелька чего покрепче, то он сам все привезет и не заставит себя упрашивать. Все это непременно бы понадобилось, при таких-то алтарных деньгах⁶. По крайней мере четырнадцать или пятнадцать фунтов. Я-то посылала кое-кого или шиллинг-другой много куда, где сама не появлялась на похоронах, особенно в последние пять-шесть лет, когда принялась хворать. Думаю, с Холмов-то все пришли. Жалко, если нет. Мы-то к ним на похороны ходили. Вот вам, считай, и первый фунт. А там и люди из Озерной Роши — следом за зятями-то. Вот вам бóльшая часть второго фунта. Ну и вся Пастушья Долина задолжала мне похороны... Не удивлюсь, если Штифан Златоуст не пришел. Мы всегда бывали у него на всех похоронах. Но он-то заявит, что ни о чем таком не слыхивал до тех самых пор, пока меня не похоронили. И какие песни он тогда запоест: “Уверяю тебя, Патрик О’Лидань, даже если б я весь кровью изошел, я б на похороны явился. Обещал же Катрине Падинь, что хоть ползком на коленях, а доберусь, но клянусь тебе, я слыхом ничего не слыхивал до того самого вечера, когда ее уже похоронили. От какого-то малого...” Вот такой он трепач, этот Штифан!..

Интересно, хорошо ли меня оплакали. Не скажу дурного слова, Бидь Сорха умеет очень красиво причитать, если, конечно, не выпьет лишнего. Уверена, что Нель наверняка тоже там околачивалась. Рыдала, а у самой по щеке ни слезинки не скатилось, у гадины. Она-то к дому и близко подходить не смела, покуда я была жива...

Нель теперь счастлива. Я-то думала, что проживу еще несколько лет и похороню ее, заразу. Она сильно сдала с тех пор, как покалечился ее сын. А к доктору ходить для нее было обычным делом и в прежние дни. Но у нее ничего такого особенного. Ревматизм. От него ей смерти ждать еще долго. Она за собой хорошо следит. Не то что я. Теперь-то знаю. Извела я себя тяжким трудом, уморила. Мне бы обратить внимание на те боли до того, как они постоянными сделались. Но если уж поселились они в почках, то твоя песенка спета ...

Я была на два года старше Нель, что ни говори ... Баб, потом я и следом Нель. Год назад, на Михаила-архангела⁷, я получила пенсию. Но получила до положенного срока. Баб, так или иначе, дожила почти до девяноста трех лет. Скоро ей помирать, как бы она ни старалась. В нашем роду никто долго не живет. Но едва она услышит о моей смерти, то поймет, что скоро придет и ее время, и, конечно, огласит свое завещание ... Вот Нель она и оставит все до последнего гроша. Эта зараза все-таки меня обскакала. Выдоила Баб досуха. Но доживи я до тех пор, как Баб огласит завещание, она отдала бы мне половину всех денег, несмотря на Нель. Баб такая переменчивая. Мне она больше всех писала последние три года, с тех пор как переехала из семьи Бриана Старшего, из Норвуда, в Бостон. Большое утешение, что Баб по крайней мере вырвалась из этого змеиного кубла ...

Но она так и не простила Патрику, что тот женился на этой кошелке с Паршивого Поля и отказался от Мэг, дочери Бриана Старшего. Она бы и близко не подошла к дому Нель, когда приехала домой из Америки, если бы сын Нель не женился на дочери Бриана Старшего.

Да и с чего бы ей? Это же хибара, а не дом. К тому же тесная хибара. Уж никак не дом для янки, во всяком случае. Не знаю, как она там уютилась после нашего-то дома и тех больших домов в Америке. Но прожила она там недолго, скоро снова уехала обратно...

Больше Баб не вернется в Ирландию, ни в жисть. Так она решила. Но кто знает, что взбредет ей в голову, когда кончится эта война, — если Баб, конечно, еще будет среди живых. А Нель-то могла бы вытягивать себе мед из улья. Она достаточно хитрая и изворотливая для этого дела... Да ну ее к дьяволу, эту Баб, ведьму старую! Хотя она и ушла из семьи Бриана в Норвуде, но по-прежнему очень близко знакоется с Мэг, Бриановой дочкой... И какой же олух мой Патрик, что не послушал ее совета и женился на дочери этой страшной чужды. “Ничего у вас со мной не выйдет, — говорил дурачок. — Не возьму Брианову Мэг, хоть бы за ней давали всю Ирландию”. Баб после этого убежала к Нель с таким видом, будто ей по уху съездили, и больше к нашему дому близко не подходила, только заглянула на порог в тот день, когда возвращалась в Америку.

— ... Обожаю Гитлера. Вот это парень...

— Если побьют Англию, страна погрузится в анархию. Экономика у нас уже развалилась...

— ... Вот ты каков, Одноухий Портной! Это ты бросил меня здесь лежать за полсотни лет до срока. Род Одноухих всегда горазд на подлый удар! Ножи, камни, бутылки. Ты не дрался, как мужчина, ты зарезал меня...

— ... Дайте сказать. Дайте сказать...

— Крестною силой защити нас, Господи! — жива я или мертва? А эти все здесь, живые они или мертвые? Они же тараторят в точности как на земле! Я-то

думала, что с того часа, как меня принесли в церковь, отпели и мне не нужно больше тяжело трудиться, хлопотать по хозяйству, беспокоиться о погоде, бояться бури, мне будет дарован покой... На что ж эта возня в грязи кладбищенской?

2

— ... Ты кто? Ты давно здесь? Ты слышишь меня? Не стесняйся, чувствуй себя как дома. Я Муред Френшис.

— Дай тебе Бог счастья! Муред Френшис, что прожила рядом со мной всю мою жизнь. Я Катрина. Катрина Падинь. Ты помнишь меня или здесь теряют память о прежней жизни? Я-то еще ничего не забыла, ни чуточки...

— Да и не забудешь. Жизнь здесь такая же, Катрина, что была в *оылд кантри*^{*}, просто ничего, кроме могилы, где лежим, не видим, и из гроба нам не выбраться. Живых тоже не слышишь, и никак не узнать, что с ними происходит. Помимо того, что расскажут новопреставленные покойники. Но мы с тобой снова соседи, Катрина. Давно ты здесь? Я не слыхала, как ты пришла...

— Не знаю, то ли я умерла в День святого Патрика, то ли днем позже, Муред. Слишком я умаялась. И сколько я здесь, не знаю тоже. Пожалуй, не очень долго. А тебя уже довольно давно похоронили, Муред, ты права. Четыре года минет на эту Пасху. Я как раз разбрасывала для Патрика чуток навоза на Глубоком поле, и тут подбегает ко мне маленькая дочка Тома-

* Оылд кантри — здесь: в родных краях (искаж. англ., ирон.). — Здесь и далее примечания переводчика.

шина и говорит: “Муред Френшис при смерти”. Тогда, хочешь верь, хочешь нет, Кать Меньшая была уже в дверях, а я только до гумна добежала! Ты только что отошла. Я сама закрыла тебе глаза, Муред, вот этими большими пальцами. Мы с Кать Меньшой обрядили тебя, покойницу. И когда обрядили, то все сказали, что смотрелась ты прелестно. Ни у кого не было поводов ворчать. Каждый, кто тебя видел, говорил, какая прекрасная из тебя покойница получилась. Перышко к перышку. Ты лежала вся такая чистая и опрятная, словно тебя на доске отутюжили...

... Я не так долго и протянула, Муред. Почки у меня болели уже давно, закупорились. Страшная боль в них началась пять или шесть недель назад. Вдобавок ко всему я еще и простуду подхватила. Боль пошла выше, в желудок, а оттуда еще дальше, в грудь. Я и продержалась-то всего неделю. Но возраст у меня не такой большой, Муред, — всего семьдесят один. Только жизнь моя всегда была трудная. Один Бог знает, какая она была тяжелая, и все знаки ее на мне видны. Если уж прикладывало, то прикладывало крепко. Никакой воли против этого у меня уже не осталось...

Можно и так сказать, Муред. Эта грязнуха с Паршивого Поля мне ни чуточки не помогала. Что за порча напала на моего Патрика, что в один прекрасный день он взял да на ней женился?.. Благослови тебя Бог, Муред, сердце мое, ты и половины всего этого не знаешь, потому что я никогда и словом не обмолвилась. Три долгих месяца прошло, а она палец о палец не ударила... Еще один дитенок. Она едва выкарабкалась. Думаю, следующий ее доконает. Там целый выводок ребятишек, и умом-то все одинаковые, — кроме, разве, старшенькой, Майринь, но она-то в школе каждый

день. А я-то сама все хлопотала: то их помыть, то удержать, чтобы не лезли в огонь, то сготовить что-нибудь поесть, — из кожи вон лезла...

... Что правда, то правда, Муред. Нет у Патрика никакого хозяйства с тех пор, как я ушла. И не будет — с такой-то бестолочью. Надо же, и хозяйство-то содержать не по силам ей. Что ж это за женщина, если она через день в постели... Ой, и не говори, сестрица!.. Жалко-то как и Патрика, и ребятишек...

Я ведь все же приготовила, Муред: саван, накидку со скапулярием и все прочее... Клянусь спасением души, Муред, что вокруг меня было восемь свечей в доме Божиим, истинный крест... Лучший гроб у Тайга для меня купили. Обошелся он почти в пятнадцать фунтов, вот что я скажу... И не две на нем пластины, а целых три, и можно подумать, будто каждая — большое зеркало в гостиной у священника, ну вот каждая...

Патрик сказал, что он поставит надо мной крест из Островного мрамора, точно такой же, как над Пядаром Трактирщиком, а на кресте надпись по-ирландски: “Катрина, супруга Шона О’Лиданя”... Он сам так сказал, ни словом не совру. Ты не думай, что я его уговаривала, — я бы его и просить побоялась, Муред... И еще он сказал, что устроит лужайку вокруг могилы, вроде той, круглой, как у Джуан Лавочницы, и посадит на ней цветы — чтоб я еще помнила, как они, проклятые, называются, — как те, что были на черном платье у Учителши, когда Старый Учитель помер... “Уж это-то мы не забудем для тебя сделать, — сказал Патрик, — после трудов твоих тяжких на нас всю жизнь”...

Но ты скажи мне, Муред, что же у меня за участок?.. Клянусь спасением души, ты права, это Участок За Пятнадцать Шиллингов... Вот, Муред, теперь

в глубине души ты и сама понимаешь, что я не ждала, будто меня похоронят на участке ценою в фунт. Если б они меня там похоронили, тут уж никуда не денешься, но вот насчет того, чтобы самой просить ...

Нель, да?.. Господи, да я ее чуть вперед себя в землю не загнала. Проживи я только чуточку подольше, так бы и сделала ... С ее сыном Пядаром случилось несчастье, это сильно ее потрясло. Грузовик его сбил недалеко от Пляжа год или полтора тому назад, бедро ему раздавило в кашу. В госпитале даже не знали, выживет он или помрет ...

О, да ты об этом уже слышала, Муред ... Бедняга полгода пластом пролежал, сестрица ... Ну и ни черта путного он уже не делал с тех пор, как вернулся домой, а все ковылял по округе на костылях. Все уж думали, что он совсем пропащий ...

От детей ему никакой подмоги, Муред, кроме, пожалуй, от старшего. Только он такая сволочь ... А с чего бы ему быть другим. В деда пошел, в тезку своего, Бриана Старшего, гнусного мерзавца. Не говоря уже про его бабулечку Нель. У Нель семья ни одной весны в поле толком не работала за последние два года, что уж тут говорить ... Это увечье сильно на них сказалось — и на Нель, и на Мэг, дочери Бриана Старшего. Так ей и надо, лахудре. У нас в этом году урожай картошки в три раза больше, чем у нее ...

О! Да Бог с тобой, Муред Френшис! Дорога ему, надо полагать, узковата да коротковата показалась, чтобы убраться у грузовика с пути ... Сына Нель вытолкали в шею, Муред. Его Честь говорит: “Да я тебе помойного ведра не присужу” ... Хоть и вызвал он шофера грузовика на заседание, только судья вовсе не позволил сыну Нель рта раскрыть. Вскоре его от-

правили в Дублин, в Верховный суд, только и это ему мало помогло... Манус Законник сказал мне, что Нель с семьей не получают и ломаного гроша. "А с чего бы, — говорит он. — Не на той стороне дороги"... Твоя правда, Муред. Вытрясет Закон из Нель последнюю денежку. Так ей и надо. Будет знать, как бесперечь прохаживаться мимо нашего дома и распевать при этом "Душа моя Элеонора"⁸...

Джек, бедняжка, тоже неважно себя чувствует, Муред. Конечно, Нель-то никогда о нем не заботилась, да и дочка Бриана Старшего тоже, с тех пор как пришла к ним в дом. Разве Нель мне не родная сестра, кому и знать, как не мне? Она никогда не уделяла бедному Джеку ни малейшего внимания, ничуть. Роднее себя для нее никогда никого не было. Ей всегда было плевать на всех, кроме себя... Истинную правду тебе говорю: очень тяжкая у Джека жизнь из-за этой гадины... Томас Внутрях все такой же, каким ты его помнишь... Вечно сидит в своей лачуге. Но в один прекрасный день она ему рухнет на голову... Ну правда, разве мой Патрик не предлагал пойти настелить ему немного соломы на кровлю? "Вот еще, Патрик, — говорю. — Что тебе унижаться и ходить стелить солому? Пусть Нель сама перекроет ему крышу, если ей так угодно. Вот пойдет она ему солому стелить, так и мы тоже отправимся..."

"Да с тех пор как у Пядара изувечена нога, Нель нет дела ни до людей, ни до их бед", — сказал Патрик.

"До себя зато каждому есть дело, — говорю я. — Чтоб крыть соломой собственную крышу. А мне нет никакого дела до этого старого хрыча Томаса Внутряха".

"Но ведь дом на него обвалится", — говорит он.

“Так тому и быть, — говорю. — У Нель полно дел и без того, чтобы носиться с этим Томасом Внутряхом. Подумай, Патрик, красавец мой, — говорю, — Томас Внутрях-то, он же как есть крыса с тонущего корабля. Он же к нам домой побежит, как только у него крыша от дождя протечет” ...

Нора Шонинь, да?.. Я бы удивилась, кабы здесь проведала о ней что-то новое. Я и так знаю гораздо больше, чем нужно, — и о ней самой, и о любом из ее рода-племени, Муред... Слушает Учителя каждый божий день... Бедный Старый Учитель... Старый Учитель читает Норе Шонинь! Норе Шонинь! Божечки. Совсем Старый Учитель себя уважать перестал, если читает Норе Шонинь... Ну разумеется. У нее же в голове ни слова ученья не осталось. Да и откуда ему взяться-то у женщины, которая в жизни ни разу не переступала порога школы, кроме как в день голосования... Клянусь душой, мир совсем чудной стал, если Учитель ведет беседы с Норой Шонинь... Что говоришь, Муред? Что он ею очень доволен? Да он не знает, кто она такая, Муред... Проживи ее дочь с ним в одном доме шестнадцать лет, как со мной, уж он бы знал, кто она такая. Ну уж я ему расскажу... И про моряка, и про все прочее...

— ... “У сына Шоона дочь была, здоровая, как мужик”.

— ... Пятью восемь — сорок; пятью девять — сорок пять; пятью десять... не помню, Учитель.

— ... “Пошел на ярмарку с утра искать себе жену”.

— ... У меня было двадцать, и я пошел с туза червей. Взял короля у твоего партнера. Мрухинь покрыл валетом, но у меня была девятка, а вот партнеру моему играть было нечем.

— У меня была королева, и я отбивался.

— Мрухинь собирался пойти с пятерки пик и побил бы твою девятку. Разве нет, Мрухинь?

— А потом дом разнесло миной⁹ ...

— Но игра все равно была наша.

— Не знаю, что там ваше. А вот если б не мина ...

— ... Спаси нас, Господи, на веки вечные.

— ... Кобылка с белым пятном на лбу. Вот уж была хороша.

— ... Ни слова не могу расслышать, Муред. О, Сыне Бога Милосердного! “Кобылка с белым пятном”. Да чтоб вы сами пятнами покрылись, если не прекратите о ней говорить ...

— Я сражался за Ирландскую Республику ...

— Да кто ж тебя просил ...

— ... А он меня зарезал ...

— ... Ну и ладно, жаль только, что язык не отрезал. Чтоб вы облезли оба налысо! Они меня сводят с ума с тех самых пор, как я попала на кладбище. Ох, Муред! Вот бы найти нам укромный уголок! Наверху-то, если тебе не нравится компания, ты волен оставить ее и пойти куда угодно. Но — увы и ах — никогда не покинут мертвые своего места в грязи кладбищенской.